

МАРЗАН М. А.

ПРОБЛЕМА МЕДИАНАСИЛИЯ

КАК ПРЕДМЕТ ТЕОРИИ МАССОВЫХ КОММУНИКАЦИЙ

Аннотация. В статье рассматривается феномен воздействия массмедиа технологий на жизнедеятельность человека. В частности, показывается, почему медианасилие может порождать насилие в реальной жизни. Автором проведен обзор отечественной и зарубежной научной литературы по теме медианасилия в средствах массовой информации.

Ключевые слова: аксиология журналистики, массовая коммуникация, медиаагрессия, медианасилие, средства массовой информации, телевизионный экран.

MARZAN M. A.

MEDIA VIOLENCE AS A SUBJECT OF MEDIA STUDIES

Abstract. The article considers media impact on human life and activities. The study shows why media violence may cause violence in real life. The author presents a review of Russian and foreign research works on media violence.

Keywords: journalism axiology, mass communication, media aggression, media violence, mass media, television screen.

В настоящее время одной из актуальных теоретико-практических проблем журналистики является медианасилие. Общественность обеспокоена тем, что телевизионный экран изобилует сценами насилия, агрессии и жестокости. Впечатление зрителей подтверждают исследования ученых. Проблема усугубляется тем, что средства массовой информации в угоду сиюминутным рейтингам продолжают начинять новости погонями, драками, убийствами, криминальными разборками, не задумываясь о том, что смерть на телевизионном экране подрывает базовое доверие юных зрителей к миру и усиливает депрессивные настроения в обществе [8, с. 348].

В России проблема медианасилия в полной мере стала осознаваться сравнительно недавно. По наблюдениям президента Ассоциации кинообразования и медиапедагогики России, доктора педагогических наук профессора А. В. Федорова, в советский период каких-либо научных исследований того, как сцены насилия в отечественной аудиовизуальной продукции влияли на аудиторию, не проводилось. Резкое изменение социокультурной ситуации на рубеже 90-х прошлого века обнаружило много «белых пятен» в гуманитарных науках. Поэтому проблема прав ребенка по отношению к аудиовизуальной информации поначалу также выпала из поля зрения российских ученых, оставаясь, в основном, поводом для поверхностных газетных заметок. В начале 2000-х гг. стали появляться публикации

результатов исследований немногих российских авторов, которые предпринимали попытки в той или иной степени исследовать феномен воздействия экранного насилия на подрастающее поколение, на процесс формирования ценностей и ценностное восприятие [6].

Авторы научной литературы, касающейся темы насилия в СМИ, до сих пор не пришли к единой точке зрения, что такое «медианасилие». Теоретики стремятся, прежде всего, оценить степень воздействия медиа насилия на зрителей, а также определить специфику данного воздействия. Однако из-за разных взглядов и точек зрения на эту проблему сложно выявить элементы, которые бы характеризовали те или иные информационные продукты как носителей медиа насилия и медиаагрессии. Практики, которые выступают с этой темой в прессе, предлагают свои формы участия журналистики в борьбе с этой проблемой.

Дж. Брайант и С. Томпсон в своей работе «Воздействие медиа насилия» отмечают, что одной из самых насущных социальных проблем современности было и остается негативное воздействие медиа насилия на потребителя информации. Общественная озабоченность по этому поводу вызвана по большей части содержанием художественных и мультипликационных фильмов, а также жестокими видеоиграми и интернет-сайтами [1, с. 193–194]. В связи с этим исследователи полагают: большинство людей соглашается, что в художественных фильмах и других телепередачах содержится слишком много насилия и жестокости. Однако едва уловимые различия во мнениях делают термин «медиа насилие» довольно расплывчатым, представляющим нечто трудно поддающееся измерению. Брайант и Томпсон задаются следующими вопросами: «Как можно определить понятие медиа насилия? Это физический контакт, который представляет угрозу для здоровья и жизни? Может ли медиа насилие быть вербальным? Относится ли данный термин к сценам автокатастроф или других несчастных случаев? Репортаж о самоубийце, видеозапись теракта – следует ли подобное причислять к медиа насилию?». Они подытоживают: социологи должны определиться с этими и другими специфическими вопросами прежде, чем приступят к количественному анализу медиа насилия и оценке его воздействия.

Английский журналист и писатель Ричард Харрис в своей работе «Психология массовых коммуникаций» делает вывод, что мы не представляем в точности, что именно считать жестоким. Тем не менее, он считает, что реальность СМИ, воспринимаемая зрителем, в особенности телевидение и кино в Соединенных Штатах, является довольно жестокой. Приблизительно в 60% американских телепрограмм и 90% телефильмов встречаются сцены драк и насилия (National Television Violence Study, 1997). Харрис пишет, что под термином «насилие» понимается причинение намеренного физического ущерба другому человеку и подчеркивает: «Мы исключим из него случайное причинение боли, так

называемое «психологическое насилие» и вандализм по отношению к чужой собственности. За жестокостью поведения всегда скрыты агрессивные мотивы. Когда мы смотрим телевизор, то наблюдаем акты насилия непосредственно и видим их агрессивную суть» [7, с. 234].

Что касается российской науки, то формулировка понятия «насилие на экране» принадлежит К. А. Тарасову. Оно понимается исследователем, как аудиовизуальное изображение разновидности «социального взаимодействия, в котором одно действующее лицо (или группа лиц) осуществляет негативное принуждение по отношению к другому действующему лицу (или группе лиц) посредством угрозы или реального применения физической силы, имеющее своим последствием телесные повреждения, моральный и имущественный ущерб» [5, с. 69]. Данное определение тесно связано с такой терминологической лексикой, как физическая-активная-прямая агрессия, под которой подразумевается нанесение другому человеку прямого физического вреда, и вербальная-активная-прямая агрессия, выраженная в словесном оскорблении или унижении другого человека.

Профессор факультета психологии МГУ им. М. В. Ломоносова Л. В. Матвеева считает, что одним из эффектов информационного потока является изменение восприятия человеком объективной реальности и, как следствие этого – изменение его образа мира [3, с. 31]. Кроме того, как она отмечает, в классической работе В. Липпманна «Общественное мнение» (1922) представлено множество примеров несовпадения представлений людей о мире с окружающей их действительностью. Американский репортер делал вывод: люди действуют не на основе реальных данных, а исходя из картины мира, которая складывается у них под воздействием средств массовой коммуникации. Поэтому СМК выполняют одну из важнейших функций, – вторит ему Л. В. Матвеева, – конструирование представлений своей аудитории о происходящих явлениях и событиях [3, с. 33].

Средства массовой информации в ходе осуществления своей деятельности далеко не всегда оказывают благотворное влияние на массовую аудиторию. Часть сообщений носит явно агрессивный характер, в результате чего происходит непосредственное воздействие на психику, убеждения и в целом на поведение индивидов в социуме. Так, группа Г. Гербнера, которая изучает социальные последствия показа сцен насилия по телевидению, назвала этот процесс основным потоком, предполагая, что содержание телевизионных сообщений «культивирует», формирует мнения и действия людей. В частности, как обозначает свою точку зрения Л. В. Матвеева, люди, которые постоянно наблюдают сцены насилия на телевизионном экране, склонны ждать их повторения в реальной жизни, даже если на их памяти ничего подобного не происходило. К ее точке зрения присоединяется автор статьи

«Массовая коммуникация и проблема насилия» – С. Н. Ениколопов. Он также уверен: чем больше человек видит сцены теле- или видеонасилия, тем больше он принимает установку на агрессивное поведение. Примечательно, любые преобразования в установках людей, которые наблюдают сцены насилия, объясняются автором когнитивной десенситизацией (потерей или снижением чувствительности) к насилию [3, с. 186]. С другой стороны, повышение уровня физиологического возбуждения и чувствительности может иметь и негативные тенденции. В этом случае десенситизированные «любители» сцен насилия будут вести себя еще более агрессивно.

А. В. Федоров отмечает, что проблеме воздействия насилия в экранных медиатекстах на аудиторию посвящены многие зарубежные исследования. Однако они практически не затрагивают российский материал. По мнению Федорова, здесь есть своя специфика, которая определяется другим, во многом отличным от Запада, социокультурным контекстом (к примеру, низкий уровень жизни основной массы населения, крайне слабый контроль в области проката, продажи, показа медиапродукции, процветающее аудиовизуальное пиратство, несоблюдение системы возрастных рейтингов по отношению к медиа и многое другое) [6]. А. В. Федоров условно подразделяет все материалы, в которых поднимается заявленная проблематика, на тематические группы:

- 1) публикации, констатирующие частую демонстрацию сцен насилия на российских экранах (эмоциональный отклик-протест);
- 2) публикации в самом общем виде: без ссылок на конкретные научные исследования, формулирующие тезисы о негативном психологическом и моральном воздействии сцен насилия на аудиторию (преимущественно – детскую);
- 3) публикации, представляющие результаты социологических исследований, касающихся частоты и характера показа сцен насилия на российских экранах;
- 4) публикации, опирающиеся на результаты научных исследований степени популярности и негативного психологического, морального воздействия сцен насилия и агрессии на аудиторию (преимущественно на детскую/школьную);
- 5) публикации, призывающие ввести строгие законодательные и административные меры, ограничивающие показ сцен насилия на российских экранах, пропагандирующие идею повсеместного введения возрастных рейтингов по отношению к любым аудиовизуальным текстам и системы контроля за соблюдением этих законов и правил;
- 6) публикации, авторы которых в большей или меньшей мере скептически относятся к призывам ввести строгие законодательные и административные меры, ограничивающие показ сцен насилия на российских экранах, возрастную рейтинговую систему и т.д.; как, впрочем, и к необходимости самих исследований проблемы экранного насилия (в отдельных

случаях показ насилия на экране вообще трактуется сугубо положительно).

В этой связи можно говорить о проблематике аксиологии журналистики. При этом, по мнению В. А. Сидорова, подразумевается, что главная задача аксиологии показать, как возможна ценность в общей структуре бытия и каково ее отношение к фактам реальности. Сама же ценность – это человеческое, социальное и культурное значение определенных явлений действительности [6, с. 41].

Кроме того, специалист в области аксиологии, эстетики и философской культуры Г. П. Выжлецов говорит об особых свойствах ценностей, которые, с его точки зрения, включают в себя не только должное, но и желаемое. Ценности объединяют людей, ценностные отношения носят внутренний, ненасильственный характер. Ценностью нельзя завладеть силой. И самое главное: ценности логически и научно доказать невозможно [2, с. 59–60]. Аксиология журналистики – не только еще одна научная и учебная дисциплина, это один из достойных каналов формирования души. Потому что ценности не даются, их нельзя зазубрить, ценности формируются в самом субъекте. К ним нельзя присоединиться, как к очередному кодексу этики журналиста, их нужно сотворить самостоятельно. Иначе говоря, для всех нас аксиология журналистики может стать своеобразным проводником к ценностному осознанию самой журналистики [2, с. 78–79].

Представляется, что в этом направлении необходимо двигаться при выявлении социальных эффектов агрессивной информации в СМИ. Современные массмедиа оказывают колоссальное воздействие на сознание человека, что в социокультурном плане имеет позитивные и негативные последствия для жизнедеятельности индивида. В связи с этим возникает проблема оптимального восприятия сообщений современных (электронных, мультимедийных и иных) массмедиа на восприятие их человеком. Тема участия журналистики в ослаблении этой проблемы рассматривается нами в тесной связи с ее ценностной ориентацией. И хотя, как показал наш обзор, в гуманитарном знании еще не сложились общие основания для предметного анализа проявлений медианасилия, ученые едины в одном: это большое зло, которое наносит существенный урон общественному здоровью.

ЛИТЕРАТУРА

1. Брайант Дж., Томпсон С. Основы воздействия СМИ. – М.: Издательский дом «Вильямс», 2004. – 432 с.
2. Выжлецов Г. П. Аксиология культуры. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 1996. – 148 с.
3. Донцов А. И., Засурский Я. Н., Матвеева Л. В., Подольский А. И. Информационная и психологическая безопасность в СМИ: В 2 т. – Т.1: Телевизионные и рекламные

коммуникации. – М.: Аспект Пресс, 2002. – 335 с.

4. Медиаобразование: концепции и перспективы: материалы для дискуссии / ред.-сост. С. Г. Корконосенко. – СПб., 2006. – 152 с.

5. Тарасов К. А. «Агрессивная кинодиета» ТВ и студенчество // Высшее образование в России. – 2002. – № 3. – С. 69–76.

6. Федоров А. В. Детская аудитория и насилие на экране [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://psyfactor.org/lib/fedorov34.htm>.

7. Харрис Р. Психология массовых коммуникаций. – СПб.: Прайм-Еврознак, Издательский дом НЕВА; М.: Олма-Пресс, 2002. – 448 с.

8. Шайхитдинова С. К. Смерть в телевизионных новостях: границы допустимого (по материалам программы «Перехват» ТК «Эфир» г. Казань) // Культурологическая экспертиза. Теоретические модели и практический опыт: коллективная монография / авт.-сост. Н. А. Кривич, под общ ред. В. А. Рабоша, Л. В. Никифоровой, Н. А. Кривич. – СПб.: Астерион, 2011. – С. 348–253.